

Критика

Анатолий
СТРОКИН

Москва

Анатолий Андреевич Строкін. Родился в 1939 г. в Алма-Ате. Победу встретил в Сибири в Томске. Детство и юность провёл в посёлке Петровске Ярославской области. Окончил школу с золотой медалью, служил на Балтике. Окончил знаменитую «Бауманку», в которой после работал много лет. Кандидат технических наук. Поэзия захватила, стала частью жизни. Запоем читал литературные журналы, книжки стихов. Считает себя типичным «физиком-лириком». Творческие процессы в этих двух областях для него неразрывно связаны между собой. Автор шести поэтических книг. Член Союза писателей России. Живёт в г. Балашиха под Москвой.

СОБРАТУ ПО ПЕРУ

На память добрую собрату по перу:
Наш дар земной на небесах отмечен,
Стихи – они – как надпись на ветру,
Мерцающий мираж в пространствах речи...
Но вдруг – как чудо: «Миг остановись!»
В словах простых и с ясным очертаньем,
И это чудо падает на лист,
Который ждёт и счастлив ожиданьем...

Несмотря на то, что «стихотворчество» стало значительной частью моей жизни довольно поздно, в весьма зрелом возрасте, с тех пор протекло уже немало лет, лет, наверное, счастливых, ибо творчество и есть тот потаённый уголок, который порой освещает наше земное счастье. Наверное, оттого и появилась довольно настойчивая потребность рассказать об этом пути и как бы спросить «собрата по перу»: «А как это было у него? Что у нас общего, а что происходило и происходит по-другому?» Тем более, что по-прежнему остаются, несмотря на множество ответов, вопросы: какие стихи воспринимаются как стихи и как что-то важное, находящее отклик в душе другого, а какие уходят в пустоту и интересны только автору. Как они рождаются, откуда берутся? Почему одни живут долго, другие, прогремев, спустя время, вызывают удивление: отчего они так гремели, а сегодня кажется, что это и не стихи вовсе. Вопросов – множество... А поэт, как и прежде, бежит за чудом рождения стихотворения.

И всё же существует глубинная основа стихотворного творчества – это русское слово, уходящее корнями в тысячелетия. От бабушкиных сказок, пословиц, поговорок. Каких-то (для нашей современности) наивно простых, незамутнённых пятнами взрослой жизни, с чудесами, в которых так хорошо и уютно жить душе ребёнка. Да, это отсюда: «Что русский дух – есть чистая душа». Это отсюда рубцовское: «До конца, до тихого креста / Пусть душа останется чиста» и, конечно, наш во всём Александр Сергеевич Пушкин: «Что за прелесть эти сказки... Каждая – целая поэма». И кажется, что чудо доброй сказки живёт в каждом человеке на нашем необозримо громадном евразийском пространстве.

Это ожидание и ощущение чуда и есть процесс рождения стихотворения – стихия поэзии, которая «Унизит нас или возвысит, / Но всё равно возьмёт своё, / И не она от нас зависит, / А мы зависим от неё...»

Но каков «техничный» процесс рождения стихотворения, его «алгоритм». И как рождается поэт? Об этом писали многие, но лучше других, на мой взгляд, рассказал Вадим Кожин в своей книге «Как пишут стихи». (Просвещение, 1968г.). Вадим Валерьянович при этом особо отмечает, что научить поэзии нельзя, можно говорить только о «типовых алгоритмах» рождения стихотворения. Но сам же и оговаривается (как бы противореча этому «постулату»), что «в наше смутное время многие люди, что может удивить (!!! – **А.С.**), продолжают и читать, и писать стихи... Да в России стихи сочиняет несметное количество людей». Это явление живёт в различных литобъединениях больших городов, но мне кажется, ещё более удивительно проявляется в российской глубинке, где человек ближе к природе, к её первозданной чистоте, к её «сказке»: «Я пишу не в стол, а в печку, / Пусть поставят по мне свечку, / Панихиду сотворят... / Я не знаю, как там проза / Но стихи порой с мороза / Замечательно горят!» (Виктор Шелехов – из глубинки ярославской древней земли). Из этих «миллионов» и вырастают поэты и, конечно, они «учатся», а учиться поэзии, коли есть неодолимое желание, можно и нужно, и очень важно при этом не просто вариться в собственном соку, а иметь товарищей-собратьев по перу, единомышленников (и не только).

Ещё несколько слов об «алгоритме» рождения стихотворения. Обычно, пишет Вадим Валерьянович, неожиданно появляется ячейка-клеточка: это слово, сочетание слов, строка, несколько строк. Клеточка эта волнует, требует понимания и продолжения. Часто при этом улавливается ритм, мелодия. Из этой «клеточки» и вырастает стихотворение. Вот как об этом чуде-явлении говорят строки стихотворения поэтессы Евгении Шелуки, рождённой в глубинке приказахстанских степей, где слово главное «пшеница», а «Космос ближе заграницы»:

*Я нечаянно задела
Стайку лёгких слов и точек –
Покружились и несмело
Опустились лентой строчек.
Нежно с ними я шепталась,
Любовалась тихой стаей –
И она со мной осталась –
Вот теперь сижу, читаю.*

Здесь хочется добавить, что со временем появляется ещё и уверенность: когда возникает в душе эта волнующая «клеточка», то кажется, что в ней непременно и скрыто то неведомое ещё стихотворение, которое обязательно должно упасть на бумагу, а поэт слушает, вникает и добавляет, добавляет, добавляет... Но по-прежнему волнует мгновение, в котором:

*Кто там смотрит за поэтом?
Кто дал дар ему при этом –
Слушать музыку небес,
Чтобы этот лучик света,
Вспыхнув, мигом не исчез,
А поэт, гордясь ответно,
С отсебятиной не влез...*

Часто эта доля «отсебятины» становится заметной. Слово, строка... Стихотворение уже опубликовано, но по-прежнему беспокоит диссонанс с общей мыслью стихотворения и самого поэта, и его друзей, и читателя. И какое счастье, когда «по древней исторической традиции», вновь вернувшись к своему произведению, более точное слово, строку, четверостишие (иногда спустя годы) всё же удаётся найти. Есть здесь и некий

психологический нюанс: поскольку «чудо» уже легло на бумагу и трогать его сам порой не решаешься – чужое замечание и ранит, и обижает. Однако, почти всегда поэт сам видит стихотворные грехи-огрехи, поэтому стоит успокоиться, а если повезёт с Музой, то и исправить сии вирши. По этой же причине, прежде чем публиковать свои произведения, предпочитаю, смилив гордыню, показать их редактору, который порой может иметь и иные взгляды, как на поэзию, так и на нашу бурлящую многообразием жизнь. Стихи в итоге получают более совершенное звучание. А исправлять, не исправлять, отложить, подумать – это решение всё равно остаётся за поэтом. Поэтому в благодарность редактору:

*Здесь ваша работа
И ваша забота
К моей прикоснулась тетради.
Не просто с поэтом
Свершить было это:
«Простите его, Бога ради!»*

А вот о разных взглядах, в содержании «контента» стихов разных авторов – рассудить очень сложно, а порой кажется и невозможно, но и не попытаться сказать об основных так называемых «трендах» нашей поэтической жизни, наверное, необходимо.

У каждого из нас есть предыстория, опыт жизни, учителя, товарищи, и отношение к такой важной основной (основной прежде всего для меня) теме света и тени, добра и зла, греха человеческого – оказывается разным по глубине и силе восприятия, да и возможно ли разделить объективно и контрастно позиции, если в жизни и свет, и тень, добро и зло живут вместе, переплетаясь непостижимыми нитями, и их вместе поэт пропускает через себя в своём творчестве. Всё же, оглядывая даль ушедшую и туманы грядущего, их сочетание и путь поэту освещают слова Александра Сергеевича Пушкина:

*И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.*

Да, вновь нам кажется «наш век» ещё более жестоким, и вновь о новой тяжкой борьбе хочется повторить:

*«Добро должно быть с кулаками»–
Не раз мы слышали уже –
Не дай же Бог! – Нам это знамя
Без милосердия в душе.*

Таким был путь Пушкина, путь «Золотого литературного века России», таким он остаётся в памяти и помогает шагать в будущее.

Но всё же – света без тени не бывает. Какая она, какова степень её «черноты» и каковы раны, которые она оставляет, когда поэт пропускает её через себя? – Здесь поэту можно только посочувствовать, просто пожалеть, хотя вряд ли процесс творчества нуждается в жалости и для поэта его строки – сущая правда. Правда у разных поэтов – разная: светлая, тёмная, смешанная... «Макай перо своё в правду» – Василий Макарович Шукшин; «Я поэт и тем интересен» – Здесь правда Владимира Маяковского; «Над вымыслом слезами обольюсь» – (над светлым вымыслом, над сказкой!) – А.С. Пушкин. Потому для любого поэта (большого ли, малого) миг рождения его стихотворения, его «правды» является счастьем и кажется раем:

*И поживёшь в раю до срока,
Забыв земное бытиё.
Рука сама напишет строки –
Благослови, Господь, её!*

Ещё несколько слов о восприятии поэзии. Стихотворение обладает ритмом. Ритм – это колебательный процесс и обладает свойством резонанса, когда настрой читателя совпадает со строем и настроением ритмических образов стихотворения. Резонанс усиливает восприятие образа и правды поэта:

*Но попадают в глубины,
В которых сразу тонет взгляд,
Не достигая половины
Той бездны, где слова молчат.
И ты отводишь взгляд туманный,
Глаза не видят ничего,
И дух твой дышит бездной странной,
В которой много твоего.*

Это пишет крупнейший поэт нашей недавней современности Юрий Кузнецов о восприятии поэзии древних рукописей, о чтении. И пока жив читатель, готовый «резонировать» со «стихотворной правдой» поэта – ритмическое сочинение можно отнести к «поэзии» и стихотворение считать «стихотворением», а не графоманским опытом (обидное и несправедливое словосочетание). Не для такого ли «своего» читателя Александр Твардовский написал: «Вот стихи и всё понятно, всё на русском языке...» и как следствие этого образа определения стихотворения, *стихами можно считать поэтические строки, к которым хочется вернуться*, чтобы вновь испытать сердцу мильей резонанс общения с автором. Хотя поэт оставил эти строки прежде всего для «своего земного рая», являясь их первым читателем.

Сила этого резонансного воздействия на читателя и самого поэта зависит от силы возникшего «поэтического образа». Например, Юрий Кузнецов особое значение придавал и считал особой поэтической удачей, когда в образе-метафоре «расстояние между прямым значением и переносным... сокращено до минимума». Вот как это звучит в его знаменитых строках:

*И снова за прибрежными деревьями
Вьщипывает лошадь тень свою.*

Да, эти строки вызывают удивление и даже восхищение, запоминается такое наблюдение своим поэтическим необычным сочетанием динамической картины. Но для устойчивого «резонанса» важны также и значимость мысли в общем контексте стихотворения, её ритм и развитие, честность оттенков поэтической правды и что-то неведомое, неуловимое, но как бы глубинное читательское, гармонически связанное с поэтическим образом строки поэта. Вот как об этом предмете-образе говорил наш выдающийся писатель и философ Василий Васильевич Розанов: «Тысяча мнений о предмете и есть настоящий предмет...». Это же можно сказать и об оттенках метафоры-образа, которые и формируют её силу. И в случае «резонанса» у многих людей такие строки разбираются на цитаты, о них вспоминают часто даже не упоминая автора. Вот пример таких строк поэзии Сергея Есенина:

*Лицом к лицу лица не увидать –
Большое видится на расстояньи...*

Или строки Николая Рубцова:

*За всё добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью...*

Или одна из многочисленных цитат Фёдора Тютчева:

*Нам не дано предугадать,
Как наше слово отзовется...*

Такие строки живут с нами как что-то важное и часто вспоминаемое уже много, много лет и будут жить и дальше с человеком наших пространств, а лошадь с её тенью останется как бы экзотикой, учебным материалом для иллюстрации возможностей стихотворного образа. То есть приведённые выше цитаты Есенина, Рубцова, Тютчева – более живые в пространстве и времени, нежели, хотя и динамическая, картинка лошади и тени.

Хочется отметить ещё один момент в творчестве поэта: человек, взявшись за перо, пишет свой портрет. Это очень важный момент при восприятии поэзии автора. Портрет автора можно увидеть даже тогда, когда он по какой-то причине хочет его скрыть. Он проявляется в каких-то «собственных» сочетаниях слов, как бы читается между строк. Это очень хорошо видно в прозе: вы читаете книгу, и вдруг вам приходит в голову мысль, которой ещё нет у автора, но спустя абзац, страницу, вы обнаруживаете эту мысль и у самого автора. Это межстрочный волновой эффект, обладающий резонансными свойствами, это его высшие гармоники как бы и осветили у вас мысли автора, который уже думал об этом выше, но чётко описал свою мысль чуть позже. Об этом свойстве сочетаний слов, их высших и как бы невидимых гармонических свойствах писал Михаил Лермонтов:

*Есть сила благодатная
В созвучье слов простых
И дышит непонятная
Святая прелесть в них.*

В этом стихотворении («Молитва») уже виден глубинный портрет М.Ю. Лермонтова, который ярко подтверждается во всём его творчестве. В нём живёт его живая душа. Многочисленные отзывы и воспоминания неблагожелательных современников и некоторых их наследников не дают той правды, которая просто очевидна в его творческом портрете. Видимо, поэтому Вадим Кожинов писал свои исторические книги, опираясь на произведения поэтов. В них истина своего времени. Яркий пример того есть и в наследии Михаила Лермонтова. Вот стихи, которые настойчиво ему приписывали и продолжают приписывать:

*Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ.*

Вглядитесь в портрет его творчества и нигде, ни в одном произведении вы ничего подобного не найдёте, а найдёте особо чуткие и сказанные многократно с великой любовью слова о России и о его *простом* народе:

*И в праздник вечером росистым
Смотреть до полночи готов
На пляски с топотом и свистом
Под говор пьяных мужиков.*

О приведённой же выше фальшивке можно лишь добавить, что её автор «*имеющегося у него автографа*» якобы Михаила Лермонтова, так никому и не показал, стихотворение появилось десятки лет спустя после смерти Лермонтова, «*созвучье слов*» в фальшивке не лермонтовские и не соответствуют его портрету. Просто в советское время оно было напечатано в учебниках по литературе и учили его наизусть многие поколения, как лермонтовское. Более того, во времена М.Ю. Лермонтова «*голубых мундиров*», о которых идёт речь в фальшивке, не было, а он был особо точен в словах своих стихотворений.

Хотелось бы также сказать ещё об одном моменте «портретного свойства творчества». Автор, исходя из сказанного выше, всё же соавтор, согласившийся с пришедшими ему строками. Поэтому творчество может ответно влиять уже на «живого поэта», и он может тоже как-то меняться в реальной жизни, и его стихи могут тоже как-то меняться, соответствуя приобретённым оттенкам нового знания.

В заключение: наверное, надо бы было обсудить ещё многие моменты нашего творческого процесса, такие, как «чувство меры», о вреде категоричных классификаций и ярлыков типа «или-или», о возникающих своих сомнениях. Что-то недосказанное читатель и Собрат по перу обнаружит в стихотворениях, которые мне хотелось бы опубликовать по данной теме отдельной книжкой в недалёком будущем, и, может быть продолжить разговор, опираясь на процесс собственного творчества.